

НАША ИСТОРИЯ

УДК 02(470+571)(09)

М. Н. Глазков

Московский государственный институт культуры

Отечественная библиотечная сфера в годы Первой мировой войны. К 100-летию Брестского мира и окончания Первой мировой войны

Исследована практически не изученная история библиотечного дела в России в 1914–1918 гг. Освещена деятельность как проправительственных, так и нелегальных библиотек различных политических партий. Приведены примеры использования агитационно-пропагандистской литературы, предназначенной для армейской среды. Названы факторы, способствовавшие распространению нелегальной библиотечной литературы в прифронтовой обстановке. Затронуты некоторые малоизученные аспекты библиотечной истории, например организация библиотек в немецких и австро-венгерских лагерях для российских военнопленных, вывоз ценных библиотечных коллекций из России по условиям Брестского мира. Рассмотрены формы и направления работы нелегальных и полулегальных библиотек в российском тылу. Отмечено, что эти библиотеки фактически превращались в опорные базы революционеров: в них проводились партийные заседания и сходки, помещения библиотек использовались в качестве явок для укрывавшихся от полиции активистов. Показаны слабость и неспособность высшей бюрократии противостоять революционным силам, в том числе в сфере библиотечного законодательства и исполнения принятых законов. Подчёркнуты нараставшее идейное разделение внутри российского общества, раскол между разными слоями и сословиями. Проанализированы причины идеологического поражения нашей страны в Первой мировой войне.

Ключевые слова: библиотечное дело России, история, Первая мировая война.

Mikhail Glazkov

Moscow State Institute of Culture, Moscow Oblast, Russia

The national library sphere during the World War I. On the occasion of the 100-th anniversary of Brest-Litovsk Treaty and the end of the WWI

The author discusses the history of librarianship in Russia in 1914-1918 that is poorly investigated. The activities of pro-government and illegal libraries of various political parties are examined. The examples of the agitation-and-propaganda literature for the militaries are given. The conditions for distributing illegal library literature among the front-line troops are revealed. The libraries for the Russian prisoners of war in the German and Austro-Hungarian camps were organized. Precious library collections were deported from Russia under the Brest-Litovsk Treaty. Methods and vectors of the activities of illegal and semi-legal libraries behind the lines are also examined. The author proves that these libraries were in fact the revolutionaries' pivot: there the meetings and gatherings were held; the revolutionaries used the library premises as safe houses. The weak top bureaucracy was unable to confront the revolutionary forces, in particular by the library laws. The author emphasizes that the ideological division within the Russian society was growing, strata and classes were splitting. The conditions for ideological defeat of Russia in the World War I are analyzed.

Keywords: librarianship in Russia, history, World War I.

Since the beginning of the twentieth century public libraries were the foundation of grass root people education and culture, they played the role of mass media, distributing newspapers and magazines. This role was especially significant for the rural areas, where about 80% of the population of Russia lived, as well as for military units, which were located separately. The First World War first exposed the tragic division of Russian society – there was no unity in any of its strata. Separation dominated in the librarianship. In wartime, various libraries became more active. The front military units were serviced both by "official" mobile libraries, army libraries, book traders, and illegal mobile "flying" libraries of anti-government parties, among which the most active were not only socialists (Bolsheviks, Socialist-Revolutionaries, Socialist – Democrats) but also liberal-democratic parties. Official libraries during World War I appealed to the high, bright, sacrificial side of the human soul, while the revolutionary library work was concerned first and foremost with the dark, greedy alcoves of the human psyche. There were other reasons that influenced the greater effectiveness of revolutionary libraries. This is their fatal offensive, extreme vigor. Illegal librarians and book-keepers for the success of their work basically did not fetter themselves with moral "prejudices". Dur-

ing the years of the First World War, the revolutionary parties launched a large-scale ideological work among Russian prisoners of war who were in the camps of Germany and Austria-Hungary. Party libraries acted "under the guise" of self-educational, literary and artistic and similar societies and clubs. Even the Moscow society "Child labor and rest", falling under the control of revolutionaries, became the base of the Butyrsky district committee of the social – democratic party and its library. At the same time, in August 1914 – February 1917, thanks to donations from churches and monasteries, merchants and factory owners, representatives of the aristocracy and others, many new libraries were established in the hospitals, and at the front. The peasants and workers donated money to books sent to the front in the soldiers' libraries.

Случилось так, что трагическое событие в жизни нашей страны – Первая мировая война – оказалось малоизвестным, надолго забытым. Как и история библиотечного дела тех лет. А между тем библиотечная история периода Первой мировой очень интересна и поучительна.

Конечно, деятельность библиотек была лишь одним из многих не самых главных факторов, влиявших на общее положение России 1914–1918 гг. Тем не менее следует учесть, что публичные и народные библиотеки стали фундаментом народного образования и культуры. А с начала XX в., по сути, выполняли роль средств массовой информации, распространяя среди населения газеты и журналы. И эта их роль была особенно значима для сельской провинции, где проживало около 80% населения России, а также для воинских соединений, располагавшихся, как правило, обособленно. Кроме того, в библиотечной жизни проявились общие исторические тенденции и явления того периода.

Первая мировая война обнажила трагическую разделённость российского общества – единства не было ни в одном из его слоёв. Было разобщено и библиотечное дело.

В военное время активизировалась деятельность самых разных библиотек. Фронтовые части обслуживались как «официальными» библиотеками-передвижками, армейскими библиотечками, книгоношами, так и нелегальными мобильными «летучими» библиотеками антиправительственных партий, среди которых наиболее активными в этой работе были не только социаллисты (большевики, эсеры, эсдеки), но и либерально-демократические силы.

Одни библиотекари устраивали громкие читки (подчас под обстрелом врага) книг, брошюр и газет, призывавших к борьбе до победного конца, верности присяге. Другие, подвергаясь не меньшей опасности, тайно прово-

дили негромкое чтение запрещённых листовок и прокламаций (с призывами к свержению «прогнившей николаевщины», братанию с врагом – «немецким и австро-венгерским пролетарием»), подстрекавших солдат не подчиняться военному начальству, самовольно покидать фронт и обосновывавших «необходимость перерастания империалистической войны в гражданскую».

Семена такого разделения были посеяны задолго до Первой мировой. Многие годы одной из главных задач нелегальных и тайных обществ была подрывная работа в Русской армии. В крупных городах, где имелись сильные революционные базы (Санкт-Петербург, Москва, Харьков, Одесса, Варшава), не только организовывались многочисленные библиотеки в воинских частях, но и выпускался целый спектр периодических изданий для распространения в армейской среде: «Звезда», «Пролетарий», «Социал-демократ», «Окопная правда» и др. Большевики, например, регулярно «бомбардировали» питерских солдат газетой «Казарма», а московских – «Солдатская жизнь».

В фондах нелегальных библиотек были представлены такие сочинения, как: А. Н. Бах «Царь голод», С. Дикштейн «Кто чем живёт?», А. Бебель «Социалистическое общество», К. Каутский «Классовые интересы», К. Маркс и Ф. Энгельс «Манифест Коммунистической партии», К. Маркс «Революция и контрреволюция» и др.

Распространялись разнообразные анонимные обращения и воззвания, например: «К новобранцам», «Царская служба», «Солдатская памятка», «От матроса к солдату» и даже «К офицерам русских войск» [1, 2]. Их отличали примитивность изложения, откровенная непримиримость, исходящая из каждой страницы, каждого абзаца. При этом такие сочинения написаны доступным языком, с пониманием психологии простого солдата и использованием характерного лозунгового стиля («По чьей вине каждый день гибнут твои товарищи? По вине царя и царских генералов, которые жируют и пользуются всеми благами жизни» и т.д. и т.п.).

Деятельности революционных библиотек в армии противостояли государственные библиотеки. Они работали легально, под защитой закона. Их фонды состояли из достаточно сильных в художественном и идейном аспектах произведений [3]. Так почему же сила их воздействия на армию в итоге уступила силе революционной?

Чтобы кратко ответить на этот принципиальный вопрос, надо вспомнить фразу, сказанную ещё современником Великой Французской смуты 1789–1794 гг.: «Революция делается на отбросах». Конечно, подобные изречения полемичны и нуждаются в конкретно-исторических оговорках. Но в них отражена психология «среднестатистического» человека.

Если библиотечная работа государственно-религиозного направления в Первую мировую была обращена к высокой, светлой, жертвенной стороне

человеческой души, то революционно-богоборческая библиотечная деятельность – прежде всего к тёмным, животным закоулкам человеческой психики. Если представители первого направления призывали к терпению, великодушью, бескорыстию и самоотречению ради спасения России в смертельной битве, то сторонники второго обещали быстрый и безнаказанный уход с передовой в тыл, а затем неоспоримое классовое превосходство (над «буржуем» и «их благородием») с полным правом «грабить награбленное», стать «полновластным хозяином и вершителем судеб» без каких-либо интеллектуальных и нравственных усилий.

Были и иные причины, влиявшие на большую эффективность революционных библиотек. Это их фатальная наступательность, крайняя энергичность. Нелегальные библиотекари и книгоноши не выбирали средства, не сковывали себя моральными «предрассудками». Кроме того, запрещённая литература обычно вызывает к себе интерес – как запретный плод. Помогали и объективные социально-политические обстоятельства: затяжная война с огромными потерями, бедность, социальные противоречия и др.

Как правило, изначально недовольство солдат вызывала бытовая неустроенность: задержка замены рваных сапог новыми, перебои в доставке хлеба и горячей пищи в окопы и т.п. Это недовольство мгновенно подхватывали и разжигали революционные агитаторы. Постоянными темами солдатских бесед становились несправедливое положение рабочих и крестьян, эксплуатация их «барами и господами», необходимость как можно скорее, на любых условиях закончить войну.

Такие настроения поднимали спрос на нелегальную литературу. Распространять её в Первую мировую стало заметно легче. Под давлением военной обстановки начальство умерило требования к соблюдению уставов, заметно реже проводило досмотр личных солдатских вещей на предмет обнаружения недозволенной литературы. В то же время солдаты охотнее шли на риск – ведь им и так грозила смерть на передовой.

Для революционных библиотек выявилась и специфическая фронтовая трудность: воинские подразделения часто перебрасывались с одного боевого участка на другой, вследствие чего очень трудно было поддерживать связь центра с «первичками».

Запрещённую литературу обычно доставляли низшие чины – члены антиправительственных партий и «сочувствующие», ездившие на побывку домой. Используя опыт подпольной работы, они упаковывали литературу в тюки или мешки и привозили в пассажирских, а порой в товарных, вагонах до ближайшей к расположению воинской части станции. Отсюда литература развозилась на лошадях – главном армейском транспорте Первой мировой. Иной раз литературу доставали в прифронтовых городах, где имелись нелегальные и полунелегальные структуры с соответствующими библиотечными фондами.

Важно подчеркнуть: несмотря на сверхусилия революционеров, значительное большинство солдат вплоть до 1917 г. плохо поддавалось тайной агитации. Прослеживается взаимосвязь между величиной фондов нелегальных библиотек, функционировавших внутри воинских частей, и степенью революционности солдатских масс. Так, например, в 48-м отдельном полевом тяжёлом артиллерийском дивизионе Юго-Западного фронта к февралю 1917 г. была библиотека всего из двух десятков брошюр и прокламаций и насчитывалось менее 20 членов запрещённых партий.

После Февральской революции под мощным нажимом большевистских агитаторов солдаты этого дивизиона организовали целевой сбор денег на приобретение литературы. В Петроград и Москву отправили опытного большевика, который привёз много злободневных «красных» книжек, листовок и газет. Фонд библиотеки дивизиона увеличился на несколько сотен экземпляров. Сразу стало расти и число членов РСДРП(б). К сентябрю 1917 г. из 1 200 солдат дивизиона уже 535 человек примкнули к большевикам. Такого количества членов партии не имела ни одна первичная организация на Юго-Западном фронте. [2. С. 134].

Разделение внутри рядов российской армии на тех, «кто за нас» и «кто против нас», приближало военную катастрофу. По воспоминаниям ветеранов Первой мировой войны, особенно остро ощущалась атмосфера междоусобия в лазаретах и госпиталях. Днём сестры милосердия, сиделки читали раненым религиозные произведения, нёсшие надежду, утешение и веру в скорое выздоровление и возвращение к нормальной жизни. Любили солдаты и офицеры военные рассказы и повести об истории победных сражений русских богатырей и легендарных полководцев. Исторические примеры доблести, чести и верности воинов минувших поколений вдохновляли на подвиги новых героев, коих в Первую мировую было немало.

Но ночью раненые находили в палатах брошюры и агитки, доходчиво объяснявшие, что виновники их страданий – царь и «царица-немка», что ждать помощи надо не от Бога, а от сознательного авангарда рабочего класса, что настоящие подвиги совершали не суворовские чудо-богатыри, а революционные «чудо-террористы» вроде Камо и Каляева.

Известно, что в армии побеждающей и идейно единой количество выздоровевших и вернувшихся в строй существенно больше, чем в армии отступающей или раздираемой внутренним противостоянием. Известно, что боевой дух солдат и офицеров зависит не только от личной смелости, профессионализма, но и от идеологической основы, единого стремления к победе «одной на всех». Несомненно, гнетущая болезненная атмосфера разделённости, общий разлад в умах стали важными стратегическими факторами, объясняющими неудачи Русской армии в 1914–1917 гг. А одним из источников такого разлада объективно следует признать брошюры, газеты и листов-

ки, обильно поставляемые в прифронтовые районы самыми разными библиотеками.

Необходимо отметить одно малоосвещённое в библиотечной истории обстоятельство. В годы Первой мировой войны революционные партии развернули широкомасштабную идеологическую работу среди российских военнопленных в лагерях Германии и Австро-Венгрии; по некоторым оценкам, их было почти полтора миллиона человек. Характерно, что, несмотря на общий крайне жёсткий лагерный режим, особенно для пленных из России, власти Германии и её союзников охотно, без проволочек разрешали заграничным революционным партиям устраивать в лагерях библиотеки и читальни, проводить соответствующие мероприятия. Так, от большевиков их курировали Г. Л. Шкловский и Л. Н. Сталь.

Российские прогрессисты активно поддерживали подобные инициативы, высоко оценивая их как «благородную культурную миссию». Но в данном случае о гуманности партийные «ловцы душ» думали в последнюю очередь. Их «культурная работа» носила прежде всего характер идеологической диверсии и была направлена на превращение военнопленных в глубоко революционизированных, враждебных царской России, которой они присягали. Поэтому-то германские и австро-венгерские власти, часто игнорируя международные обязательства о гуманном отношении к военнопленным, регулярно препятствуя человеколюбивой деятельности международного Красного Креста, вспоминали про гуманность и гостеприимство, когда имели дело с российскими антиправительственными деятелями.

Плоды подобной «культурной работы» созрели в годы Гражданской войны в России, когда большая часть вернувшихся на родину бывших военнопленных с энтузиазмом вливалась в карательные, реквизиционные и расстрельные команды.

Не лучше обстояло дело в нашем тылу. Верноподданные силы с первых месяцев Первой мировой войны предпринимали всё возможное, чтобы укрепить тыл, призвать разные слои населения к сплочённости и самоотверженному труду во имя спасения Отечества, открывая народные библиотеки соответствующего направления, издавая религиозно-нравственную и военно-патриотическую литературу. Другие же силы с помощью полулегальных и нелегальных библиотек и типографий вели мощную пропаганду рабочих забастовок и крестьянских бунтов, умело разжигали противоречия между сословиями. Уклонение от мобилизации прославлялось как проявление «подлинно гражданского мужества».

Как и армия, отечественный тыл уже много лет подвергался революционной идеологической обработке. Одним из фундаментов для пропаганды стал огромный фонд нелегальной печатной продукции, произведённой в

1905 и 1906 гг. Некоторые издательства, воспользовавшись дарованными Царским манифестом от 17 окт. 1905 г. обширными гражданскими свободами, выпустили массовыми тиражами антиправительственную и противощерковную литературу. Подпольные организации в разных городах на средства, полученные от воевавшей с Россией Японии, американских финансовых магнатов или спецслужб будущих противников и «союзников» по Первой мировой войне, закупили дорогостоящие гектографы и печатные станки, активно создавали собственные типографии и библиотеки [4].

Однако надо отметить, что деморализация тыла, как и армии, долгое время шла туго. Даже в таком крупном и разношёрстном городе как Москва нелегальная литература распространялась медленно, не пользовалась спросом. Показателен в этом отношении пример издательства Дауге, принадлежавшего одному из основателей латышской социал-демократической партии, большевику с 1903 г. Напечатав в годы первой революции в бесцензурном режиме большое количество материалистической и социалистической литературы, П. Г. Дауге решил продать её через книжные магазины. Но московская читающая публика проигнорировала рекламные объявления, снижение цены и прочие коммерческие приёмы. В итоге П. Г. Дауге был вынужден всё передать в полное распоряжение московского окружного комитета РСДРП для бесплатного распространения среди московских рабочих. В ноябре 1908 г. его «накрыла» полиция [2. С. 136, 137].

Нелегальные и полулегальные библиотеки меняли формы, методы и принципы работы, приноравливались к любым капризам публики, но неуклонно проводили свою стержневую линию – «углубляли» революцию. Партийные библиотеки действовали под прикрытием образовательных, литературно-художественных и подобных обществ и клубов. Даже московское общество «Детский труд и отдых», попав под контроль революционеров, стало опорной базой Бутырского райкома РСДРП и его библиотеки.

О содержании и направлениях работы таких библиотек компетентные царские органы сообщали следующее. После проверки библиотеки Третьего женского клуба г. Москвы в сентябре 1913 г. жандармский ротмистр докладывал начальнику Московского охранного отделения: «Классикам и изданиям общеобразовательного характера отведено самое незначительное место. В громадном же большинстве преобладает литература агитационного характера, изданная явочным порядком в виде брошюр и отдельных статей, помещённых в ежемесячных изданиях... которые... отнюдь не могут благоприятно отразиться на лицах, пользующихся этой библиотекой, тем более, что главный контингент Третьего женского клуба состоит из людей малоинтеллигентных (работницы, ткачихи, портнихи. – *М. Г.*), не могущих отнестись критически к прочитанному» [5, 6].

Крупные революционные структуры создавали сразу несколько «видов» библиотек: для рядовых членов, местных «вождей», боевых дружин и т.д. (Так, в особых библиотеках, обслуживавших боевиков, были такие брошюры: «Наставление по стрельбе», «Тактика уличного боя», «Техника работы со взрывчатыми веществами».)

Нелегальные библиотеки становились настоящими революционными центрами. Так, московская Библиотека-читальня им. Гоголя, открытая в марте 1909 г., вскоре попала под влияние большевистской организации; её помещение использовалось для устройства мини-партконференций. По свидетельству М. И. Ульяновой, в квартире заведующей библиотекой О. И. Чачиной, располагавшейся при самой библиотеке, систематически находили приют и ночлег многие укравшиеся от полиции партработники [2. С. 159, 160].

Тайные структуры делали все возможное, чтобы подорвать силы государственного тыла; широко развернулась спекуляция; резко возросли цены на продовольствие, другие необходимые товары. Пострадало и библиотечное дело. Из-за спекулятивного роста цен на бумагу и полиграфические услуги с 1916 г. прекратился выпуск знаменитого петербургского журнала «Библиотечкарь». С ростом цен на книги ухудшились комплектование и снабжение библиотек, особенно в сельской провинции. От ряда губернских и уездных проектов развития библиотечного дела пришлось отказаться.

В то же время в августе 1914 – феврале 1917 г. благодаря пожертвованиям от церквей и монастырей, купцов и заводчиков, представителей аристократии было создано немало новых библиотек в тылу, госпиталях, на фронте. Крестьяне и рабочие жертвовали деньги на книги, отправляемые на фронт в солдатские библиотечки.

Парадоксальное увеличение в годы войны числа библиотек подтверждается библиотечной статистикой. Обобщающие сведения датированы 1914 г. По отдельным видам библиотек есть данные, показывающие дальнейший рост их числа. Так, в 1915 г., судя по статистике Министерства народного просвещения, выявлено довольно заметное увеличение числа народных библиотек разной принадлежности. Ещё больший рост числа земских народных библиотек в 1915 г. подтверждают подсчёты академика Е. Н. Медынского [7. С. 103, 104].

Первая мировая война обнажила ещё одно обстоятельство – безволие высшей бюрократии. Власти не смогли, несмотря на смертельную внешнюю угрозу, серьёзно противостоять внутреннему расколу. В 1914 г. правительство издало «Алфавитный список запрещённых произведений печати», предназначенный только для общедоступных библиотек [Там же. С. 98]. Он включал около 450 книг и брошюр антигосударственного, антихристианского, подрывного направлений.

Чуть раньше (в 1912 г.) были изданы новые правила о надзоре за народными библиотеками и читальнями, существенно ограничивавшие возможности влияния революционных сил на народные массы. Эти правила приобрели особую актуальность в годы войны, когда процветало «плодотворное сотрудничество» запрещённых партий с представителями германского генерального штаба и у нелегалов были большие финансовые и организационные возможности для печатания антиправительственных изданий за рубежом и в подполье и для распространения их в Российской империи через библиотеки.

Однако государственная власть не сумела реализовать правила о надзоре за народными библиотеками и читальнями. С самого начала оппозиция в земствах и местных библиотечных и культурно-просветительских обществах стала выступать с бурными протестами против этих защитных мер правительства, призывала библиотечкарей саботировать их выполнение. Массированная кампания в либерально-революционной печати привела к официальным дебатам о новых правилах для библиотек в Государственной Думе, а в мае 1915 г., во время тяжелейшего периода войны, – к их отмене.

Что касается «Алфавитного списка запрещённых произведений печати», то он соблюдался весьма поверхностно. Прогрессивные библиотекари были возмущены этой «драконовской мерой». Они – при гарантированной поддержке местных революционных лобби, прекраснородушных либералов и политиканствующих меценатов – считали за особый шик игнорировать правительственные решения, бравируя своей «независимостью».

Отметим, что всего через 5–8 лет списки запрещённых произведений, составленные и изданные победившими большевиками, включали уже не четыре сотни названий, а целые пласты общественной, научной, художественной и религиозной литературы. А бывшие «прогрессивные» и «независимые» библиотекари могли только одобрять многочисленные перманентные изъятия лучшей части библиотечных фондов [10, 11]...

Как и во все времена, библиотечные работники доказали готовность к массовому самоотречению, жертвенности, подвигам во имя идеи. Проявляя удивительные человеческие и профессиональные качества, библиотекари делали всё возможное, чтобы обеспечить столь нужное для воинов бесперебойное библиотечное обслуживание. Они оказывали душевную поддержку раненым, помогали инвалидам преодолеть тяжёлый личностный кризис, учиться, овладевать мирной профессией, возвращаться к полноценной жизни.

Библиотекари, люди мирной профессии, подчас погибали на передовой с сумкой книг и газет на плече. Но к несчастью, они были тогда разделены – на множество партий, течений и станов, в конечном итоге воюя друг с другом. Увы, Первая мировая переросла не во Вторую Отечественную (после 1812 г.), а в величайшую гражданскую бойню.

В атмосфере страшного разъединения общества, возобладания корыстных узкогрупповых интересов, на фоне политической бесхарактерности и бездарности государственной бюрократии, доходившей до прямого предательства, поражение в Первой мировой войне стало неизбежным. По условиям позорного Брестского мира 1918 г. Германии и её союзникам передавались не только огромные территории бывшей Российской империи. Согласно договору и дополнительным секретным приложениям к нему, Советская Россия обязалась выплатить колоссальную контрибуцию в размере 6 млрд марок и 500 млн золотых руб. (!), включая стратегическое сырьё, продовольствие и др. Судя по всему, в контрибуцию вошли культурные и библиотечные ценности.

Впрочем, даже огромные потери, нанесённые России внешними врагами, бледнеют в сравнении с тем, что принесла внутренняя смута, которая стала прямым следствием Первой мировой войны. Масштабы революционной разрухи и человеческих жертв Гражданской войны и обоюдного террора противоборствующих сторон, голода и эпидемий не имели аналогов в истории. Годы спустя И. А. Бунин высказал мысль, что для нас война так и не закончилась...

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Громова А. А.** Библиотечное дело в России (в 1908–1914 годах) / А. А. Громова. – Москва : Государственное издательство культурно-просветительной лит-ры, 1955. – 44 с.
Gromova A. A. Bibliotechnoe delo v Rossii (v 1908–1914 godah) / A. A. Gromova. – Moskva : Gosudarstvennoe izdatelstvo kulturno-prosvetitel'noy lit-ry, 1955. – 44 s.
2. **Из истории** нелегальных библиотек революционных организаций в царской России : сб. материалов / под ред. Е. Д. Стасовой. – Москва : ГБЛ, 1956. – 163 с.
Iz istorii nelegalnykh bibliotek revolyutsionnykh organizatsiy v tsarskoy Rossii : sb. materialov / pod red. E. D. Stasovoy. – Moskva : GBL, 1956. – 163 s.
3. **Глазков М. Н.** Всё познаётся в сравнении // Слово. – 1997. – № 11–12. – С. 31–36.
Glazkov M. N. Vse poznaetsya v sravnenii // Slovo. – 1997. – № 11–12. – S. 31–36.
4. **Глазков М. Н.** В ногу с революцией // Мир библиографии. – 2015. – № 1. – С. 42–47.
Glazkov M. N. V nogu s revolyutsiey // Mir bibliografii. – 2015. – № 1. – S. 42–47.
5. **Кржижановская З. П., Невзорова-Шестернина С. П.** Третий московский женский клуб // Старый большевик. Сб. 1 (4). – Москва : Политиздат, 1933. – С. 148–156.
Krzhizhanovskaya Z. P., Nevzorova-Shesternina S. P. Tretiy moskovskiy zhenskiy klub // Staryy bolshevik. Sb. 1 (4). – Moskva : Politizdat, 1933. – S. 148–156.
6. **Коган Л.** Жандармы в библиотеке // Крас. б-карь. – 1927. – № 10. – С. 83–87.
Kogan L. Zhandarmy v biblioteke // Kras. b-kar. – 1927. – № 10. – S. 83–87.

7. **Абрамов К. И.** История библиотечного дела в России. Ч. 1 / К. И. Абрамов. – Москва : Либеря, 2000. – 176 с.

Abramov K. I. Istoriya bibliotechnogo dela v Rossii. Ch. 1 / K. I. Abramov. – Moskva : Leebereya, 2000. – 176 s.

8. **История** библиотечного дела в СССР. Документы и материалы, 1918–1920. – Москва : Книга, 1975. – 277 с.

Istoriya bibliotechnogo dela v SSSR. Dokumenty i materialy, 1918–1920. – Moskva : Kniga, 1975. – 277 s.

9. **Глазков М. Н.** Узаконенный грабёж // Встреча (Культурно-просвет. работа). – 1994. – № 8. – С. 9–11.

Glazkov M. N. Uzakonenny grabezh // Vstrecha (Kulturno-prosvet. rabota). – 1994. – № 8. – S. 9–11.

10. **Глазков М. Н.** Чистки фондов массовых библиотек в годы советской власти (октябрь 1917–1939) : учеб. пособие для вузов / М. Н. Глазков. – Москва : Пашков дом, 2001. – 104 с.

Glazkov M. N. Chistki fondov massovyh bibliotek v gody sovetskoy vlasti (oktyabr 1917–1939) : ucheb. posobie dlya vuzov / M. N. Glazkov. – Moskva : Pashkov dom, 2001. – 104 s.

11. **Культурное** варварство // Социалист. вестн. (Берлин). – 1924. – № 9 (17 апреля). – С. 12.

Kulturnoe varvarstvo // Sotsialist. vestn. (Berlin). – 1924. – № 9 (17 aprelya). – S. 12.

12. **Мазурицкий А. М.** Книжные собрания России и Германии в контексте реституционных процессов / А. М. Мазурицкий. – Москва : МГУКИ, 2000. – 217 с.

Mazuritskiy A. M. Knizhnye sobraniya Rossii i Hermanii v kontekste restitutsionnyh protsessov / A. M. Mazuritskiy. – Moskva : MGUKI, 2000. – 217 s.

13. **Мазурицкий А. М.** Вторая мировая война и книжные утраты России и Германии. Ч. 2. Реституционные процессы в послевоенный период / А. М. Мазурицкий. – Москва : МГУКИ, 2010. – 164 с.

Mazuritskiy A. M. Vtoraya mirovaya voyna i knizhnye utraty Rossii i Hermanii. Ch. 2. Restitutsionnye protsessy v poslevoennyu period / A. M. Mazuritskiy. – Moskva : MGUKI, 2010. – 164 s.

Mikhail Glazkov, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor, Chair for Library Science and Bibliology, Moscow State Institute of Culture, Academician, International Academy for Informatization;

mguci@mail.ru

7, Bibliotechnaya st., 141406 Khimki, Moscow Oblast, Russia